

ВАЛЕРА ЕЖ

В.Л. Родился я 26 августа 1961 года в Белгороде, как сейчас бы сказали, в семье служащих. Мать родилась на хуторе Гремячий. Отец, царствия ему небесного, пережил войну и оккупацию и потом пошел в ремесленное. Причём его прельстило слово «сантехника», в котором ему показалось что-то про санитарные приборы, но потом выяснилось, что все сложнее. Он отучился и отслужил на флоте семь лет, и всегда этим гордился.

У меня очень хорошо отложилось в памяти по поводу оттепельных шестидесятых: прямо в центре города был парк с машинками детскими, каруселью и танцплощадочкой. Это, наверное, год 66-ой или 67-ой шел; играли там эдакие дядьки, один из них на контрабасе. Играли шлягеры тех лет, а рядом был Зеленый кинотеатр, который крутил итальянские кинофильмы. Музыка была практически из этих фильмов, немного прирокенролленные варианты. И вот такая вот «дольче вита» парковая и иностранная накладывалась на праздничные коммунистические демонстрации. Я был школьником, но это все в память закладывалось, и некоторые песни, которые мы до сих пор исполняем, связаны с тем периодом. «У самого синего моря» звучала тогда из всех утюгов, причем звучала и оригинальная версия, исполняемая сестрами-японками, и наша отечественная версия Нины Пантелеевой на музыку на слова Дербенева. На

удивление, задним числом прослушивая советскую музыку 50-60-х годов, обнаружилось, что кальки, сделанные с американских оркестровых композиций, были весьма неплохи. Прессинг послевоенный кончился, начался более теплый период, и мы жили в частном секторе. И песня «У самого синего моря» отложилась с дошкольного возраста в варианте:

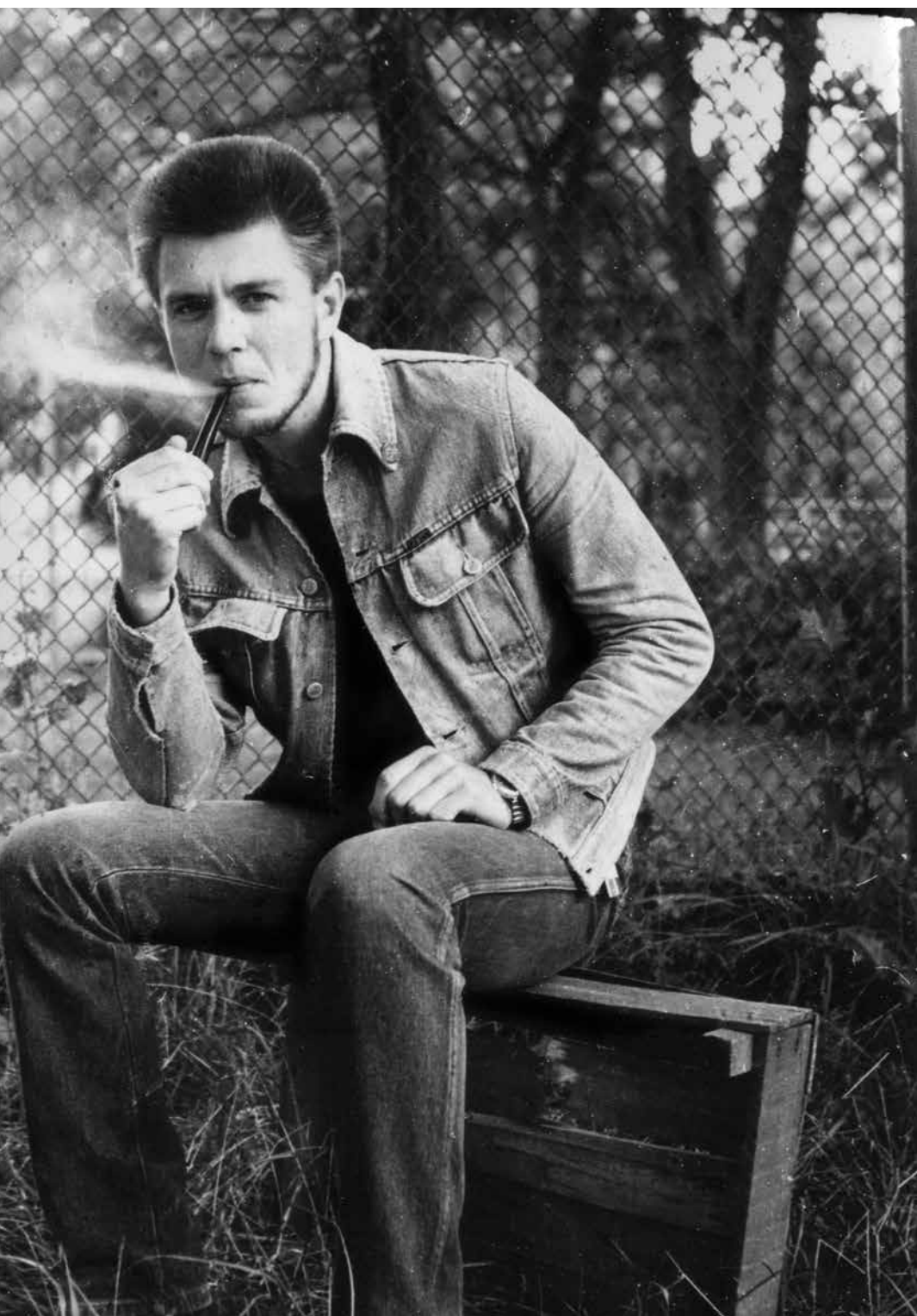
*У самого синего моря.
Сидел на песке дядя Боря.
А солнце светит ему прямо в глаз
Дядя Боря – водолаз.*

...или Фантомас... или еще грубее. Тогда у нас во дворах играли свадьбы оркестрики с контрабасами и барабанами. Битлз я услышал в 64-м году, причем, одну песню «and I love her»; и, как я уже потом понял, тогда-то я и увлекся битломанией... И с этим была связана одна история. Тогда было лето 64-го года и у битлов вышел новый альбом, и это был период, когда появились транзисторы. Август, родители кого-то из родственников провожали, а я крутился возле приемника и во рту держал шарик железный. Приемник был «Балтика», на котором потом сохранились зарубки про нужные волны вещания – где «Би-Би-Си», где «Голос Америки». И тут я под песню эту поперхнулся и проглотил этот шарик...

Уже крутили по какой-то волне этот

Москва.1988.Фото Петры Галл.

букву «р» тогда, и тут увидел по этому телеку, что Вадим Мулерман победил в московском музыкальном конкурсе и пел «терьям-терьярим –там –терьям»... Я урвался с этого и так стал выговаривать «р». Так что музыка в моей жизни играла роль с детства.

Еще я помню мамины слова, года 67-68-го. Она увидела паренька на улице, у которого была прическа длиннее, чем общепринятая советская. Как у Олега Ефремова в фильме «Три тополя на Плющихе» было – девочка девочка, какая тебе я девочка? Примерно такого плана история. Мама тогда сказала: «О, какие у него битлы». То есть в сознание советского народа длинные волосы входили вместе с битломанией. Хотя не исключено, что «Битлз» многие не слушали. Мама училась в техникуме в конце 50-х и рассказывала, что видела пару стилиг даже там: с яркими носками и галстуками, набриолиненные. Когда вспоминаешь этот период, вспоминается и фильм «Деревенский детектив», когда там сидят ребята и на балалайке играют «Эй мамбо, мамбо рок». Все эти частушки «зиганшин буги, зиганшин рок»...

Мама в четырнадцать лет приехала с хутора в областной центр и с широко открытыми глазами воспринимала это все сильно. А потом получилась история, что у меня в 69-м году неведомыми путями оказалась гибкая пластинка «Битлз», которую я прокручивал на раскладном проигрывателе-чемодане «Юность». Отец, будучи чемпионом Балтийского флота по чечетке, то есть по степу, привез со службы грампластинок с фокстротами – быстрыми и медленными – а поскольку служил в «советской загранице», в Таллине, пластики были местные, которые в средней полосе найти было невозможно.

А с 69-го года все немного изменилось: помогли школьные друзья, покойный друг Лукин. Его папа служил в Венгрии, а сам он на самой западной точке Украины и приехал оттуда прозападным. Тут же научил нас, мальчишек, что фильмы про индейцев – это круто, а музыка должна быть вот такой...

Это самое начало семидесятых, и вот уже появился более серьезный интерес к музыке. Меня отдали учиться на баян, и там я увидел барабаны. И получилось так, что к баяну я был равнодушен из-за отсутствия математического склада ума; разбираться с нотами и исполнять сольфеджио мне было скучно, а в музыкальных школах тогда создавались детские ансамблики типа «Мзиури». Пацанята и девчонки играли песенки, ездили по стране, их показывали по телевизору – и это было вроде моды.

диск, а вскоре в стране с верховного поста был снят Хрущев и наступила эпоха брежневизма. Я, конечно, не знал про вождей, меня это не интересовало, а все лето я проводил на хуторе Гремячий, а с полугодом до четырех вовсе там жил. Быт там был особенный: вот тебе и иконы, вот тебе и природа – и я очень рад, что захватил этот этап в детстве. Дед был жив, прошедший войну, много, конечно, об этом можно рассказать, но мы, вроде, про другое...

Музыкой я даже не увлекался, просто она звучала отовсюду. Был, наверное, 66-й год, мы умудрились в семье скопить денег и купить телевизор Рубин, и я не выговаривал

А мне барабаны запали, и я к ним прикипел. Это уже переход в старшие классы по возрасту, и сейчас такую же историю повторяет мой сын, вдруг тоже решил стать барабанщиком... И потихоньку история эта и затянула. У нас была своя «туча», место сбора обмена и покупки виниловых пластинок. Они были по всей стране и назывались по-разному: туча, толчок, толпа. У нас была туча, она же балка, поскольку между Белгородом и Харьковом было такое место, полустанок Казачья лопань, и там проходили меломанские толпления. Особо скрытно это все не происходило, полуподпольно, власти это все не трогали. Переодически шерстили и гоняли – советская власть, при всех ее агрессивных припадках, понимала, что удовлетворить товарный голод была не в состоянии, поэтому позволяла такую самодеятельность. И так было по всей стране, а в Харькове многие ребята общались с моряками-одесситами, которые ходили в заграничку. Поток контрабанды, не антисоветчины в виде книжек, шел постоянно. Джинсики, кофточка, пластиночки, по стоимости порядка 70-80 рублей, и все это ручейками растекалось по стране. Можно было нарваться, конечно, на пользованные диски, замазанные до блеска маслом и одеколоном, можно на пластинку хора советской армии с наклеенным иностранным лейблом – все это было таким мелким приключенческим бизнесом. За который иногда прихватывали и даже

присаживали, но, тем не менее, бизнес этот существовал. Сколько я жил в Белгороде, помню, всю эту ситуацию особенно не прикручивали, вплоть до конца семидесятых. Закручивали больше за валюту и тут пострадало много из людей богемы и эстрады. Конкретно пострадал Масляков, получив конкретный срок; Долинский, который участвовал в «Кабачке 13 стульев», актер, игравший Иванушку в советских сказках. У меня был знакомый, который служил в конторе, и, когда показывали фильм о Павле Корчагине, где играл Конкин, этот дядя рассказывал, что лауреата премии Ленинского комсомола какие-то знакомые втянули в какую-то заварушку, связанную с валютой. Это к тому, что в семидесятых валютная тема была на слуху не только в столице.

У нас с этим делом было поспокойней; самые продвинутые в плане доставания были ресторанные лабухи. Доставали все, что касалось музыки; инструменты скупались у югославов и поляков, это был достаточно распространенный бизнес. Как и сам шоу-бизнес, как тогда называлась, эстрада. Ездил огромное количество групп, как соцлагерных, так и советских: Лилия Иванова из Болгарии, Джорджи Марьянович, «Пудис» «Puhdys» ... в общем, все крутилось; я был юн и комсомол никто еще не отменял. В тогдашней жизни мне нравились и танцы, и кабаки, причем любого

▲ Модная музыка 70-х.

▲▲ Группа «Мистер Твистер» в Красноярске, апрель 1987 года. Из архива автора.

▲ Валера. 1985. Из архива автора.

уровня, хоть привокзальные. Везде играли хорошие музыканты, съевшие собаку на популярных репертуарах. У нас была своя история обмена между белгородскими и харьковскими музыкантами, ребята-лабухи менялись городами.

Слова андеграунд у нас не было в ходу, тем не менее Харьков был достаточно вольным городом. В ресторанах звучала «фирменная музыка», в школах мы могли играть то,

что хотели, в кабаках заказывали музыку представители торговли, в представлении семидесятых это был добротный западный рок. Придискванность появилась к концу десятилетия, а так, пожалуйста, игрался Стиви Вандер, снимался в ноль, в копейку. Я перезнакомился с ними со всеми и узнал про все репертуары от свадебных до танцплощадочных. Такой был бекграунд советской действительности.

М.Б. В семидесятых уже активно существовала система хиппи, которая была достаточно активна на Украине, в том же Харькове или в Крыму. А у вас?

В.Л. А про неформальное иное. Битломапы, которые были, они не были системными. У нас были просто модные, прихиппованные люди. Джинсы, маечки, волосы – те же фарцовщики держали такой стиль. Система была западнее, во Львове, Крыму, а у нас в городке системных не было, но системный пипл был проездом, как раз через Харьков в Крым. Перемещения автостопом никто не отменял...

А мы собрали ансамблик, в котором участвовало три Валеры, и в Белгороде 78-го года решили поиграть в модный бенд. И получилось так, что мы стали играть панк. Никто ничего не знал про «Sex Pistols», но надо было сделать альтернативу длинноволосью, клешам и огурцам, поэтому

постригли себе короткие ежики; я был в убитой китайской кожаной куртке, и штаны у нас были пошиты до колена с zipперами-молниями вниз, чтоб их хоть как-то можно было натянуть. На ногах лыжные ботинки, на штанах висели цепуры и везде понатыкали булавок. Интуитивно, желание выглядеть не так как все привело вот к такому незамысловатому эпилу. Которое было свойственно и западной молодежи, которую достала мода 70-х. Молодые пацаны, один из которых сейчас живет в Канаде, шил неплохие кепочки, почти бейсболки из кожи. А музыка была смешная, был бас, барабаны и гитара. Так вот, не слышав панка, мы делали из песен советской эстрады, типа «тополиный пух», минималистичные жесткие импровизации. Группа называлась «Плоскостопие», Флэтфуд; у нас был логотип с трехпалой ногой в честь того, что в группе играло три Валеры. Костюмчики пятидесятых еще раздобывали у своих отцов в гардеробах, с узкими лацканами. Галстучки узкие, остроносые ботинки... Только уже в армии, по телевидению ФРГ, я увидел группу «Jam», которая была одета точно так же. Интуитивная смешная история перехода из одной эстетики, которую я для себя называл эпоха волосатой музыки, в эстетику музыки коротких стрижек, панка и ньювейва. Были у нас знакомые, которые играли Сантану и Блэкмора по нотам и задом наперед, а потом пришли другие. Тогда же я узнал

термин рокабилли, по польской лицензионной пластинке на британский оригинал «Matchbox». Волна традиционного рокенролла семидесятых. В Америке вся эта история канула в лету, кроме разве что Карла Перкинса, а британцы ее подхватили. Теддибойзовские прикиды, а потом неорокабилли пошло, но у меня случилась армия – и это отдельная история.

Попал я служить в Германию, не зная еще сам термин рокабилли, и поскольку служил в роте связи, у нас стоял в «красном уголке» телевизор, но при этом все программы на нем были заблокированы. Можно было смотреть только один центральный и один не центральный, ГДР-овский канал. Но в определенные штучки вставлялись отвертки, и так получалось, что даже из спальни можно было ловить вражеское. Полк стоял на границе с ФРГ, среди нас служили немцы-пограничники в количестве тридцати человек, и там я насмотрелся разного, будучи «молодым», комментируя для «дедов» современные направления в музыке. По ФРГ-шному телевидению крутилась масса всего и именно в этот период 79-81-х годов пошла валом видеокультура: по телеку показывали «Boumtown rats», «Clash» и Шейкина Стивенса; тогда же я увидел первые два клипа «Stray cats». И вот это все легло на душу. Немцы были тоже восприимчивые к рокабилли, у них Питер Крауз выступал с шестидесятых, но явного проявления я тогда

▲ Возле американского сектора Берлина, 1989 г. Фото Петры Галл.

Обложка альбома Boomtown Rats.

▲ Мост между западной и восточной частью Берлина, 1989. Фото Петры Галл.

▲ Зимой 1981 года, Магдебург, ГСВГ. Фото из архива автора.

не заметил. Я тогда узнал про «Waltones», и то что пошла волна неорокабилли, и прирокабилленного ньювейва и постпанка. Нарвался я на это тогда, но пригодилось мне все спустя почти четыре года. Солдатская служба в Германии – это отдельная песня. Тем более в ныне несуществующий ГДР. Служба есть служба, много там не разгуляешься и не увидишь, но я, попав из провинциального городка за границу, умудрился играть в гарнизоне в ансамбле при доме офицеров, и мы еще катались к немцам в рамках программы Дружба. Или в училища и в воинские части Магдебурга или других городов, где делались вечера для старших классов. Танцы были и в гарнизоне, где отрывались офицеры с женами и вольнонаемные женщины. Приходили туда в основном наши, но все модно одетые. Джинсы от «Милтонса» до «Ливайса», ботиночки которые, недавно были еще на платформе, уже обрели каблук.

М.Б. Расскажи про войсковые тренды. Я имею в виду армейскую униформу и рукоделие.

В.Л. Офицеры молодые отличались от немецких только тем, что были короче и аккуратнее пострижены. Одежда немцев

была практически одного образца. В гарнизонные магазины завозили одни и те же курточки и джинсики. И ты правильно заметил, что оригинальность находилась в зоне рукоделия и связана с терминми «дембель» и «дембельнуться».

Могу рассказать об осенней моде, поскольку увольнялся осенью. Бралась шинель: если земляки приходили, то ты менялся на новую, чтоб ни у кого не отнимать, она укорачивалась и ушивалась донельзя, в облип. И вот ее начесывали так, что она становилась пушистой. Шапка. У шапки сшивались все швы – и получалась папаха. Шапку доводили, натянув на банку; затем выгибалась правильно кокарда. Была немецкая такая интересная тушь, которой подкрашивали цигейковую шапку до состояния переливающегося меха «снежный барс» или «мескиканский тушкан», как в «12 стульях» Ильфа и Петрова. Издалека это действительно выглядело эффектно. Обязательно отращивались длинные челки, чтоб шапка сидела на затылке. В сапогах увольняться было не положено, поэтому все уходило в ботинках. У ботинок вырезался кант по подошве, а каблук набивался и обтачивался. В носки вставляли штучки-дрючки, чтоб они становились

более остроносые. Утюгами формовались только носки сапог, которые яловые и на «гармошке». Сапоги тоже подбивали, отглаживали, но дембеллизовались все-таки в ботинках. Во всем существовала своя технология, рецепты и свои мастера на все руки. Брюки тоже ушивались, но не до состояния галифе. Если ты ходил в повседневке, то у нас был ПШ – полушерстяной китель и полугалифе, как бриджи. Но это все двойным швом ушивалось в талию, под воротник вшивался кембрик, оплетка от кабелечков, с которой снималась трубочка, чтобы воротник стоял стоечкой. Ремешок сильно начищался, но носился приспущенным, а шапка заламывалась на затылок. Подтяжки, очень они ценились, и кто ездил в отпуск, обязательно их привозил. В семидесятых были еще такие придурочные свитерочки с V-образным вырезом, которые были популярны у костюмных модов. Вот их тоже надевали поверх рубашек и под мундир. Все это было не положено по Уставу, но на «дедов» смотрели сквозь пальцы.

Тапочки, казарменный фешн. Идешь по каразме в домашних тапочках, как у скинхеда, о которых тоже никто тогда не знал: висают не одетые подтяжки, и ты идешь принять вечерний моцион. По-домашнему. Дембельские альбомы... Это, конечно, культ, но я не стал его делать, потому что

это мне нафиг было не нужно. Но все ребята сделали. Первогодки, художники и мастера, были не загружены ничем, кроме изготовления этих альбомов. Сидели и ночами делали эти местные произведения искусств. Там находились через земляков-увольняшек какие-то куски бархата и бумаги, все это было трогательно... Делались и татуировки, но меня это не сильно интересовало, как и армейский фешн.

Вот Миша Кузнецов, из Люберец, который там потом ходил в авторитете, он спрашивал, а что не делаешь, так и пойдешь? Давай я тебе сделаю все. И вот он сделал вставки в погоны, выгнул, на клею, чтоб они стояли полукруглыми, буквы СА; у них обрезались ножки крепежные, плотный картон или лучше пластмасса под погон вставлялась, и подклеивалось так, чтоб они сидели на плечах, как влитые. Вот это он сделал, и я ему, конечно, благодарен. Чемоданы из нашей части, конечно, все были в немецких наклейках, с женскими лицами. Гитары оформлялись примерно так же. Либо города, либо женщины. От этой моды было деться некуда, ибо это армия.

Тогда же по дембелю меня приглядел Сиянков из особого отдела, полковой особист, которому была поставлена задача подбирать кадры для высшей школы КГБ. И вот он ко мне подошел и спросил: «Ну что, ты

▲ Красная площадь, 1987г.
Фото Петры Галл.
▲ Нагрудный значок КГБ.

▲ Офицеры из караула Красной площади в парадной форме, 1991 г. Фото Петры Галл.

к себе в Белгород поедешь? Давай лучше в Москву.»

Я подумал и согласился. Брежневские времена, Олимпиада... О грядущем крахе СССР еще никто даже и не подозревал. Мысли были тогда такие – институт, строить свою жизнь дальше, а тут такое предложение... Москва, к тому же у меня пример дяди был, уважаемый мной человек, который тоже работал в конторе. И вот так получилось, что у меня для поступления не хватало каких-то данных, с этим было строго, стажа работы на производстве не хватало. И я вернулся в Белгород и вижу такую картину. Где была музыка живая, пришли дискотеки. Крутилась музыка, показывались слайды и диджей рассказывали о том, кто выступает. А для живых музыкантов места практически не осталось – и я тогда определился окончательно. Доработал стаж токарем и в июне 82-го года приехал в Москву и поступил в Высшую Школу КГБ.

М.Б. Москва периода Олимпиады, пару слов, если можно.

В.Л. Олимпиаду я не застал, а вот по поводу Москвы... Ранее я таких громадных городских пространств не видел. И что отложилось в памяти, так это специфический запах метро. У меня была ассоциация, аналогичная запаху новых шинель новобранцев. Высшая школа КГБ находилась через

дорогу от Олимпийской деревни, где мы занимались во всех спортзалах рукопашными и физическими подготовками. С ней связано и то, что в местных концертных залах проходили фестивали, «Джаз-83 и 84», В конно-спортивном комплексе Битца, который называли «Конюшня», я побывал позднее. А там, в олимпийской деревне, было более важное место: кафе «У фонтана», в простонародье «Молоко». Городские пространства удивляли, причем, сравнивая Москву нынешнюю с тогдашней, на улицах не было столько народа и машин, поэтому все громадное казалось еще и просторным и свободным. Проспекты не забитый суетой, и ощущение проспектов было более величавым. Хотя, конечно, были места, где толчея была постоянной. Что в ГУМе, что в ЦУМе, что на вокзалах – народу было всегда много. А в районе Университета была совсем другая Москва. Я потом, когда попал в Питер, понял для себя, что если б пришлось выбирать, то жить смогу только в Москве. Моей душе азиатчина ближе, и город мне казался уютней.

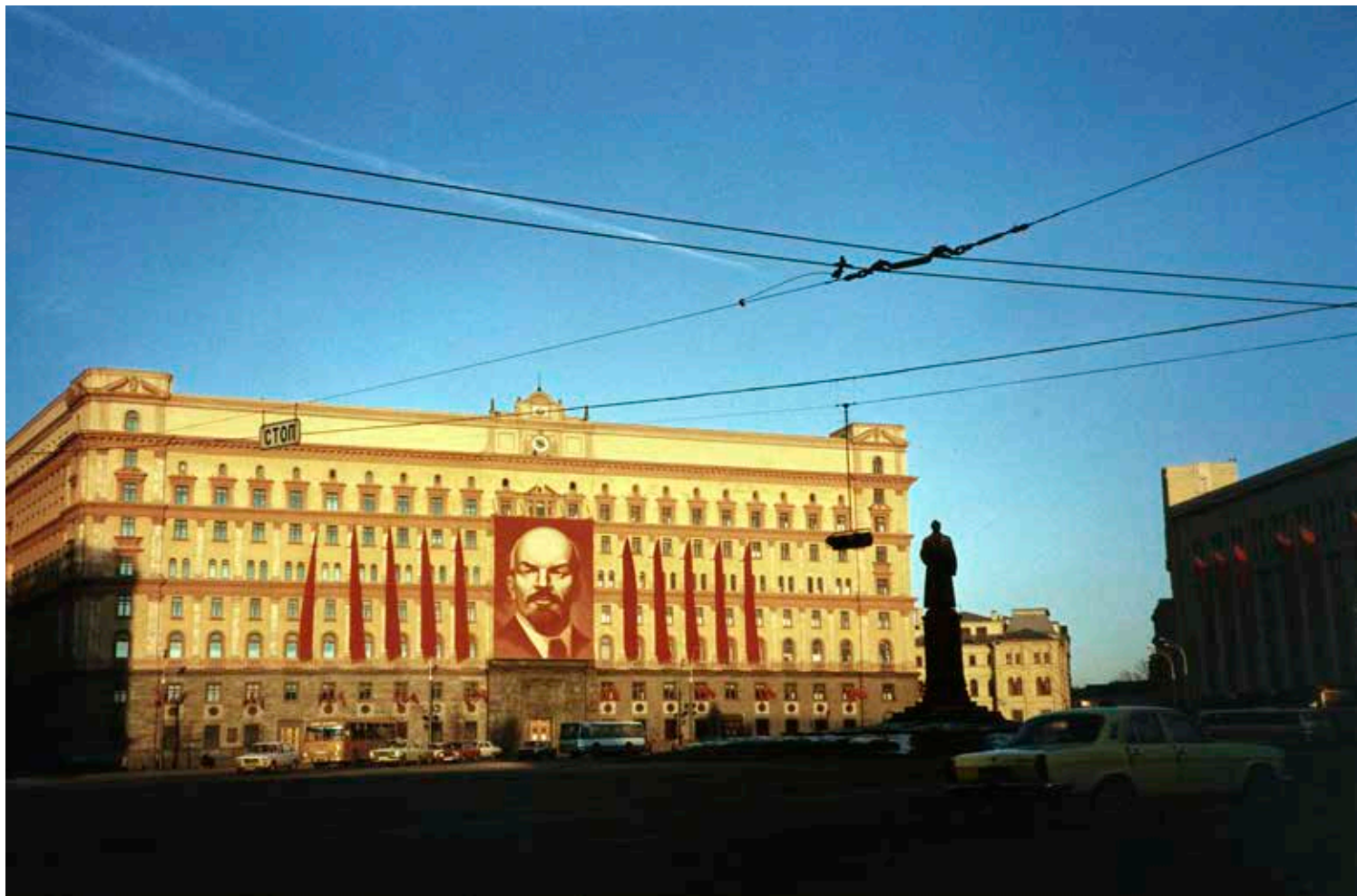
В центр города я был просто влюблен: улочки, церквушки, ощущение толп народу на центральных улицах и пустыньность Сивцева Вражка по соседству, например. В этом заключалась вся прелесть – мокрого утреннего асфальта и случайных туманных прохожих. Что касается жителей и по моде, в этом я был достаточно искушен

▲
Кремлевский полк охраны, 1 сентября 1982 года.
Из архива автора.

▲
В пионерском лагере КГБ «Дзержинец», 1983 г.
Из архива автора.

▲
Москва, 1989 г. Фото Петры Галл

после Германии, тут многие уже погрязли в спортивной моде: кроссовки, вельветовые джинсы, комбинезоны, югославские куртки из кожзама с кучей молний. Их еще какая-то наша фабрика пыталась выпускать, и первый свой суовый период я проходил с ежом на голове и как раз в такой вот курточке.

В 82-м году я поразился такому фактику: многие районы Москвы были исписаны граффити – группа Queen и корона сверху. Неформальная жизнь была активная, я окупился уже в джазовую богему, но так получилось, что с молодежной неформальщиной я столкнулся не в Москве, а в летнем пионерском лагере КГБ. Местечко Саки под Евпаторией, где встретил я Катю и Машу Рыжиковых. У меня тогда были шорты джинсовые, обрезанные донельзя, замок молнии был сломан и застегнут на булавку, стриженный ежом, вот такой вот был курсант. А девицы модельного вида, модные и красивые, конечно, я сразу положил на них глаз. Девушки тоже обратили внимание на мой внешний вид, и выяснилось, что девушек, дочерей, папа приговорил отрабатывать посудомойками за разбитное поведение и то, что хватался в общении с иностранцами за семь лет проживания в Италии. Сослани на перевоспитание, но больше месяца они там не пробыли и сорвались по маршруту

Крым-Кавказ автостопом. Потом мы продолжили общение уже в Москве. Маша мне все время рассказывала о Джоннике и о том, что у него постоянные проблемы. И это уже был тот самый московский андеграунд. Со всеми прелестями в виде наркотических средств, тусовок, мифологиями и интересными людьми. Знал я ребят из «Арсенала», выступавших на уровне Дворцов спорта. Но это не было молодежной тусовкой, там были пожилые уже джазмены. А это было совсем другое: стиль жизни, в которой вмещалось все – от литературы до моды и музыки; само слово тусовка я впервые услышал от Маши Рыжиковой.

С хиппи мы познакомились весной 84-го года на Гоголях. Мы – это я с товарищем, мы с ним вообще в Вышке выделялись и по одежде, и по поведению. Причем он тоже музыкант, мы там в школе играли, а тут встретили девчонок-хиппушек лет по шестнадцати... При этом сразу познакомились и с Мишей Красноштаном, и с Васей Лонгом, который сейчас живет в Ростове. Был еще такой фактурный и одноногий человек с позывными Принц. Водили они нас по всем флэтам и аском занимались, а мы представились юристами из МГУ. Позже я попал на квартирники... Сидим мы как-то на Гоголях, я с товарищем перемигнулся и спросил, а давай скажем на самом деле,

кто мы есть? А вот знаете, мы тут в школе КГБ учимся?

На что последовал ответ – ну и ладно, вы ребята хорошие, приходите и дальше. Удивились, конечно, что кгбешники могут быть такими обаятельными и битлов сыграть и спеть. А у нас в школе, на удивление, была очень демократичная ситуация и отношения. Занятия, люди после армии, учись хорошо: не будь дураком, а остальное как-то и не важно. К тому же в самые мрачные для музыки времена «Машина времени» выступала прямо в Высшей школе КГБ. Первый фильм о байкерах в Советском Союзе, «Борн ту луз», показали в «вышке», и только в 89-м году он вышел на советские экраны. Его сначала хотели показать, как молодежь Запада бунтует против капитализма, присмотрелись – и Сулов сказал, так, ребята, извините, там какие-то гады мочат моршеха-шерифа, это не правильно. Потом начали закручивать гайки и по карате. Казарменного режима не было совсем, а все интересное в области культуры, как бы ни казалось странным, потребляли иностранное, там информации было много.

Вот недавно прошел двадцатилетний юбилей похорон Брежнева, когда я сидел на крыше собора Василия Блаженного, с обернутыми пакетами ногами. И охранял поря-док на похоронах Брежнева. А про пакеты,

это уникальный метод сохранения тепла: ноги оборачивалась газетой, а поверх одевались пакеты, в этом можно было хоть куда. Вот такой вот тренд вышки КГБ, там же Красная площадь, это аэродинамическая труба – что ни надень, тебя все равно продует. А мы сидели на площадке между куполами, где теперь стоят камеры, вот там мы сидели и наблюдали...

М.Б. Утюги рассказывали, что на краске простреливался снайперами каждый метр.

В.Л. Я могу как человек изнутри заявить: все парады и демонстрации курировались полком дивизии им.Дзержинского, который в ночь накануне рассредотачивался по длинне ЦУМа и еще с двух сторон. В случае необходимости, площадь разбивается в течении секунд на квадраты десять на десять. И когда ты сидишь на крыше, то видишь, что на ГУМе, на историческом музее сидят снайпера. Причем, во время демонстраций первую шеренгу охраны занимали представители высшей школы КГБ. Перед мавзолеем стояли люди из «Девятки», а дальше уже из «вышки». А что касаемо утюгов... валютой, конечно, занимались, и они нагтели в Москве больше всех. Этому способствовала война структур МВД и КГБ – многие утюги и фарцовщики в этой междоусобице были использованы. С целью получения компромата на ведомство Щелокова, которого

▲
Ведомственный транспорт в переулках возле Лубянки, 1987 г.
Фото Петры Галл.

▲
Лето 1985 года.
Из архива автора.

▲
Лубянская площадь.1987 г.
Фото Петры Галл.

▲▲
Постер к фильму Born Losers.

заработка, оказался на очередной развилке, которая привела меня в кафе «Чайке» ...

Еще не открылись «Времена года» по соседству, там проводились джазовые же мероприятия, а в этом небольшом кафе собиралась абсолютно разношерстная публика, а в гардеробе работал Марк Дейч. Он очень любил и понимал джаз, и мы с ним много беседовали. Когда закончилась тема с «вышкой» и наступило очередное распустье, произошла еще одна судьбоносная история. Прописки не было, жил я в коммуналке на Новокузнецкой, и тут в «Чайке» я знакомлюсь с регентом из соседней церкви Николая в Хамовниках. Регент оказался заядлым битломаном и любителем кофе, и он предложил пойти в церковь певчим. Октавные басы, самый низкий голос, в церквях были нарасхват. Эти уникальные люди ценились, часто работали одновременно в нескольких местах, и ставки у них были по пятьдесят рублей за один выход. Для сравнения официальная ставка Пугачевой как вокалистки была девятнадцать рублей. В правом хоре пели люди с консерваторским образованием, а в левом – прихожане, ну и я, получая за это семь рублей за службу.

Сначала половину слов я просто мычал, но спустя десяток служб вдруг с удивлением обнаружил, что начал разбирать старославянские тексты и стал врубаться в то, что поет. Не смотря на то, что проработал певчим в церковном хоре всего лишь несколько месяцев, церковь Николая в Хамовниках сильно повлияла на мое мировоззрение. Я

встретил там много очень необычных и интересных людей. Но как-то раз случилась комиссия, на меня обратили внимание и попросили отчислить. Мол, люди комсомольского возраста, без прописки и в церкви – это не порядок.

Так я опять оказался в тупике, и тупик этот совпал с Фестивалем Молодежи и студентов 1985-го года. Первый день вся тусовка происходила на Красной площади, где я играл в «ручеек» с иностранными студентами и все пели песни «Битлз». На второй день вход на Красную площадь оказался закрыт, и все «неформальные» люди переместились в «трубу» подземного перехода. Везде стояли кучки народу, в центре каждой находился гитарист и лабал свои любимые песни. Вот там я встретил Олега Усманова, который напевал «Can't You See Me Love» – я подхватил. Усманов начал «Heartbreak Hotel» – я поддержал. Выяснилось, что Усманов хорошо знает английский язык, и он исправил мне в блокноте, куда я записывал тексты любимых песен, некоторые искаженные фразы.

Вот так и познакомились... Олег сказал, что в декабре из армии вернется Вадим, и можно будет подумать о группе. А потом уже встретились в «Чайке» и началось. Репетиционная база находилась в помещении Института иностранных языков имени Мориса Тореза, куда вечерами Олег Усманов ходил на лекции. Днем он работал в том же институте заведующим складом. Вадим Дорохов вскоре демобилизовался

– и так сложилась наша группа, которую мы назвали «Мистер Твистер». Мы успели еще в 85-м году отыграть несколько концертов, наряжаясь в старые костюмы, которые я нашел в одной из комнат своей коммуналки. Длинные пиджаки, ушитые брюки, и это был уже рокабилли и началась Перестройка.

Нам надо тогда было выглядеть, отличаясь от того же «Браво» или «Секрета» – и вроде это удалось. Были пошиты брюки-дудочки, галстуки и рубашки добирались на Тишинском рынке. Галстуки «пожар в Джунглях» у бабушек стоили просто по пятьдесят копеек. Уже тогда мы познакомились с ребятами-стилягами со Щелчка и они в этом деле знали толк.

▲ Вадим Дорохов. Концерт в «Синей птице», 1986 г.
Из архива автора.

▲▲ Еж в гримерке, 1986 г.
Из архива автора

▲ Концерт «Мистер Твистер», 1987 год.
Из архива автора.

М.Б. А на Арбате в «день дурака», где играла куча групп, включая дебютировавшего Кинчева, и брейковали, где и Боря Юханов выступал – как вы оказались?

В.Л. Я не помню, как появился Борис Юханов и ребята из театра Васильева; вполне возможно, что через Усманова, и так мы оказались на Арбате 1 апреля 1986-го года, когда состоялось как бы официальное его открытие. Помойка, куча битых досок и гроздь хиппи, висящих на пожарных лестницах – и вот среди этого мы рвали глотки. А потом рядом врубился и заиграл Антонов на специально оборудованной сцене, и вообще не стало ничего слышно. Но это было все весело, по-настоящему весело. Улица была пешеходной, народу много, балаган.

М.Б. А «Метелица» и Калининский в твои маршруты попадали?

В.Л. В «Метелице» мы играли тоже, но это было позднее эпизода с «Синей птицей», который как раз тогда и начался. Ее мы взяли в оборот в 85-м и выступали там постоянно до весны 87-го года, когда ушли в Росконцерт. Вася Лонг дал мне почитать «Ожог» Аксенова, разумеется, в самиздатовском варианте. Как раз в том романе Аксенов описывает «Синюю птицу» начала шестидесятых годов, как культовое

джазовое место. Я подумал, что надо найти, где она находится и через знакомых хиппи его нашел! Это оказался подвал, где никакого джаза давно уже не звучало, а была там обычная общепитовская точка. Зато там жил кукольный театрик, который работал под эгидой Фрунзенского райкома комсомола, и я пошел к ребятам, которые были ответственными за него, мы разговорились, и на волне перестройки райком решил начать делать там концерты. Играли там каждую неделю, выходя оттуда после концертов с черными разводами на лицах, как у шахтеров, потому что сцена в «Синей птице» была покрыта ковролином, из которого за время концерта выбивалось неимоверное количество пыли.

Там мы познакомились с Вэлом Литваком, который вскоре стал директором группы. Он пришел на концерт, прислушался к исполняемой музыке и вдруг упал на спину и стал дергать ногами от удовольствия. Там же появился Маврикий Слепнев, у которого было балетно-танцевальное прошлое, и бабушка вроде бы тоже была балерина. И стал штатным танцором группы. В его задачу входило поднять на ноги и заставить танцевать нерешительный зал. Это было очень актуально в восьмидесятые годы, потому что публика тогда была еще очень скованной. Маврикий сидел прямо в зрительном зале, будто бы он один из зрителей. Видя, что танцора никто не арестовывает,

люди начинали подниматься со своих мест, чтобы присоединиться к его зажигательному танцу. В самый кульминационный момент, когда танцевала уже половина зала, Маврикий исчез и появлялся на сцене среди музыкантов. Оттуда он продолжал дирижировать залом, показывая различные элементы танца, которые за ним потом пытались повторять и другие танцоры.

Стиляжья тусовка была значимой; она появилась в фестивальный период, и благодаря концертам «Браво» и «Бригады С», и благодаря любителям винтажа – как твой знакомый, «широкие» со Щелчка. Они стали появляться у нас на концертах: Хак, Каневский, Христинин, Африкан. Которые и тусовались с нами и даже ездили в качестве техников. Очень хорошо разбирались в винтажной одежде. Помню, Хак мне замечательные кожаные винтажные штаны летные подогнал...

Вообще, народ на концертах «Мистера Твистера» сразу начал танцевать, но это был еще не акробатический рок-н-ролл, который научиться танцевать тогда было просто негде, а уличный рок-н-ролл – то есть какие-то элементарные повороты без всяких выкрутасов. В основном твистовые коленца. Умельцы знали по несколько сотен таких неповторяющихся коленец. А Маврикий в ритме твиста садился на шпагат или делал сальто, что

вызывало обязательный взрыв восторга у окружающих.

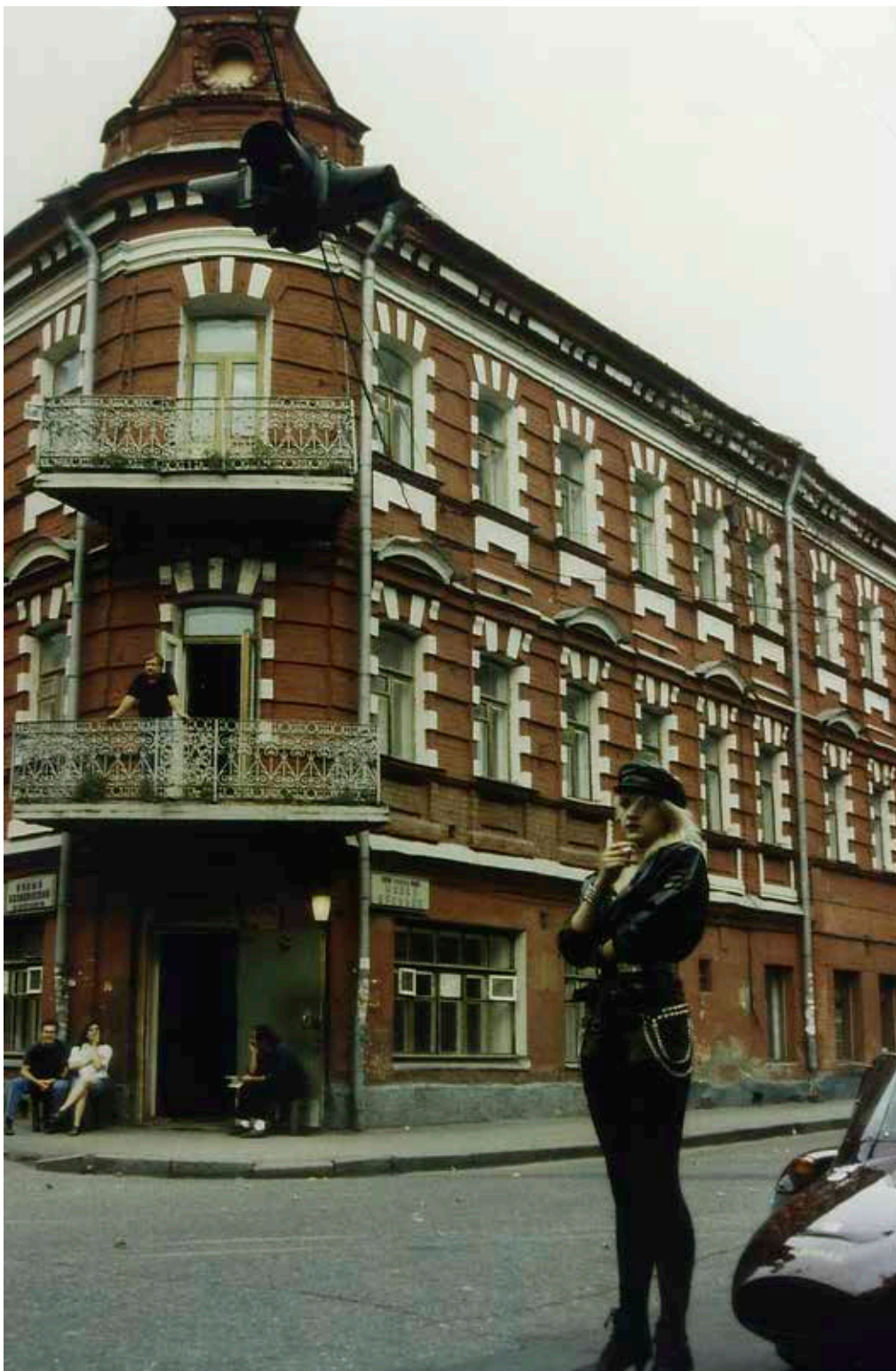
Однажды мы обнаружили, что вместе с их юными фанами в «Синюю птицу» стали приходить какие-то пожилые, уже поседевшие люди. Оказалось, что это мамы и папы поклонников. В 50-е годы они были стилистами. Только теперь это были уже взрослые люди, которые работали в Академии наук, или в МИДе, или во Внешторге. Так «Синяя птица» вновь стала культовым местом, где шло общение, где собирались люди, близкие по духу; туда заглядывали

▲ Усманов и Маврикий. Конец 80-х. Из архива автора.

▲▲ Олег Усманов «Банзай», Из архива автора.

▲ Дуэт с Маврикием в МДМ. 1991 г. Из архива автора.

▲ Танцы в «Синей птице», 1986 г. Из архива автора.

не только рокабиллы, но и хиппи, и панки, которые очень лояльно относились друг к другу. Туда приезжали люди из самых разных городов. Туда начали приходить западные журналисты, которые стали писать о «Мистере Твистере» и вообще о советском роке. Кстати, первая публикация о «твистерах» появилась в хорватском журнале «Старт»: делала фотосессию Сильвия Пекота. Нам были посвящены четыре листа в центре журнала с фотографиями, сделанными именно в «Синей птице». И только потом стали выходить статейки в советских изданиях.

Но проблема заключалась в том, что в

«Синей птице» было ровно 120 посадочных мест, а на улице собиралось человек по триста. Мы, если позволяло время года, стали открывать окна, чтобы всем было слышно, что происходит внутри. Туда не попала даже съемочная группа фильма «Асса»! Они пришли послушать «Мистер Твистер», чтобы пригласить группу для съемок фильма, но не смогли даже протиснуться ко входу.

Тогда как раз пошла смена имиджа с костюмного на кожано-рокерский, под влиянием фильма «Дикарь», вместе с очередной активностью неорокабиллы в мире, мы стали играть немного агрессивнее и потяжелее. И из-за ситуации, когда в Питере появилась группа «Секрет», а в Москве костюмную эстетику эксплуатировало «Браво». Фанаты этих групп отличались цветом носков, а нам было этого мало. Стилистически и по ощущениям времени все было оправдано.

К этому времени уже появилась мото тема, и на гастроли в Новгороде мне мою кожаную куртку привез Игорь Кредит. Куртка было не перфекто, швейцарская. Кредит потом проучаствовал и по теме татуировок. В питере вообще рокабиллы тема появилась раньше, была купчинская тусовка Ореха и Комара, и они были уже на кожах. Кредит сам был стилигой и перешел в другую лигу. Потом из этой тусовки выросло несколько рокабиллы групп и первое

советское сайко. Стас Богорад и Минтрейтор, он молодец, мы до сих пор общаемся. А Игорь был одним из четырех человек, которые делали мне татуировки. Кредит, Маврик, Бажен и Тимонин, царствие ему небесное.

В «Метле» же мы выступили осенью 86-го года и пару раз еще. Как раз в том году и появились «любера». На День Молодежи, 26 июня, в «молоке» мы присутствовали на серьезной драке между ними и будущими байкерами, которую возглавлял Саша Стоматолог, будущий Хирург. Серьезное побоище на поле рядом с кафе, потом даже райком Гагаринского района пытался нас обвинить, что из-за нашего выступления это все и произошло. Хотя туда тупо приехала компания человек под пятьдесят и устроила драку с модниками, которую возглавила группа в кожаных куртках. Кожаных курток становилось все больше, это стало синонимом неприятностей, и потом такие драки происходили постоянно.

М.Б. Хак рассказывал, что эпизод про «люберов» появился после концерта в «Метелице».

В.Л. Ну, я не могу этого утверждать точно, возможно, было связано и с этим, но это была просто зарисовка о полюбившемся мне городе и Арбате и того, что его наполняло.

К тому же с «люберами» у нас было несколько эпизодов, но они не были

серьезными. Их было много в нынешнем Норд -Осте на Пролетарской, где то ли съемка, то ли концерт и называлось это ДК шарико-подшипникового завода. Вот там их было очень много. Но мы были взрослей, вся эта шпана была достаточно мелкой и, пытаясь докопаться, оседала на уровне разговоров. К тому же я говорил, что служил с Кузнецовым, который на местности являлся авторитетным лицом среди люберов и работал вышибалой, поэтому достаточно было упоминания имен, чтоб агрессивное настроение сменялось на уважительное. Да и взрослыми мы были уже, чтоб размениваться на дефирамбы с достаточно молодой шпаной доармейского

▲ «Маргарита», 1989 г.
Фото Петры Галл.

▲▲ Возле «Маргариты», 1989 г. Фото Петры Галл.

▲ Возле «Маргариты», 1989 г. Фото Петры Галл.
Еж, Усманов, Маврикий, 1989 г.
Фото Петры Галл.

Фото сессия Сильвии Пекоты в «Галерее» (Гостинный двор) и на Красной площади, 1988 год

возраста. Мы же даже выступали в самих Люберцах на культуристском мероприятии «Люберцы-88». Это в большей степени связано с текстом «я в кожаной куртке иду по Арбату и мне «любера» кивают как брату». Потому что действительно уже узнавали. Забавней было потом, когда появилась «казань» и большой толпой пошла на МХАТ. М.Б. Это было уже когда ты переехал жить на Патрики?

В.Л. Да, в 1987-м году я переехал на Патриаршие пруды, где в округе расцвела полная неформальщина. Но для меня Патрики больше ассоциируются с кафе «Маргарита» и культовыми распитиями до утра на лавочках возле пруда. В 89-м году в самом начале года кафе открылось, и на момент того, как я съехал оттуда, я был самым старым посетителем этого заведения. Позже рядом открылись «Московские зори» и кафе Зосимова. Кафе те были примечательны тем, что работали ночью, и между ними все знакомые и курсировали. Но оба потом прикрылись, Никита Михалков выкупил закрывшиеся «зори» для своего «Три Т».

С «Маргаритой» много связано. Туда заходил Молчанов с дочкой, которую он, видимо, из школы вел. Она указала на меня:

«Ой, папа, посмотри, какие у дяди мультфильмы на руках!» – и показала на мои татуировки. Потом мне знакомые телевизионщики рассказали, что Молчанов знает и любит нас, и с уважением отзывается о нашей группе. Актер Александр Филлипенко зашел – все как раз сидели большой компанией, отмечая девять дней со дня смерти Вадима Дорохова. Прямо заорал с полрога: «Ух, чуваки! Какую ж вы классную музыку слушаете!..» Он тогда играл стилиста Бэмса, о котором писали еще в журнале «Юность», а спектакль ставился по пьесе «Взрослая дочь молодого человека». С этим настоящим Бэмсом мы познакомились уже 8 января 1994 года в «Пилоте», где отмечался день рождения Элвиса Пресли. Там была большая тусовка. Вдруг смотрю: сквозь толпу пробивается стильный мужик в белой ковбойской шляпе. Думаю: «Это ж кто-то из «старых», наверное?» А я видел фотографию Бэмса в «Юности», где он был в той же белой шляпе и в белом костюме. Я подошел к нему, удивил тем, что читал про него в журнале и знаю. И так мы познакомились в реальности. Потом мы несколько раз перезванивались, но встретиться больше не довелось: то он болел, то мы были на гастролях. Судя по номеру телефона, он жил где-то в районе Беговой или Полежаевской. А прожил он недолго и умер вскоре после нашей встречи, Бэмса зарезали люди,

▲ Фото сессия «Свадьба рокабиллов», 1987 г. Фото Игоря Стомахина.
▲▲ Невеста, 1987 г. Фото Игоря Стомахина.
▲ Возле «Маргариты», 1988 г. Фото Петры Галл.

которых он пригласил в гости

Возвращаясь к Маргарите 80-х, о ней начали писать; в газете «Moscow Times» появилось сообщение, что в «Кафе «Маргарита» можно увидеть и услышать легендарный ансамбль «Мистер Твистер». Зачастили иностранные корреспонденты, в общем, кто там только не собирался. И кинотусовка, и участники зарождающегося клуба «Ночные волки», которые взяли за моду тусоваться возле Мак Дональда. И получилась такая история, что мотоциклистов там стало очень много.

Тогда, в 1987-м году, это все только началось. В Кафе «На Бронной» тусовались Алекс с Баженом, Мишей Ло и Джоном, а в мотосезон все, вместе с братьями Захаренками собирались на задворках МХАТа. Срывались от МХАТа на Лужу и обратно постоянно шумною толпой, которая была прикинута покруче, чем остальные мотоциклисты-«фуфаечники». Они же тусовкой участвовали на моей неформальной свадьбе, 6 ноября. Неформальной из-за внешнего вида в Загсе на Патриарших; там все, конечно, выпали от этого перформанса. А мы просто тогда решили – ну что мы будем выражаться в костюмы, как дураки? И пошли, в чем есть, человек двадцать. У Хирурга тоже была неформальная свадьба, других таких не помню. Помню зато, как арфистка и виолончелист в ЗАГСе уже изготовились заиграть «Свадебный марш» Мендельсона, но к ним подошел Маврик и

сурово спросил:

- Ребята, вы какой-нибудь рок-н-ролл знаете?

- Нет! – испуганно ответили они.

- Ну, тогда лучше вообще ничего не играйте!

...Вот так и перезнакомились со всеми на волне смены стиля и мюзикла «Улицы в огне», плюс – через связи с Мавриком, который любил поноситься на мотоцикле, все это сплелось с концертами. К примеру, на Белорусской в ДК за часовым заводом в зал на втором этаже ребята затащили два «Урала» и поставили их на сцену. А на серегинном «валуе» во время концерта в Химках, мы умудрились выехать на сцену практически всей группой. Мото тема была сильной и базировалась на дворике и ступеньках театра МХАТ. И вот туда-то и пришла толпа «казани» с Арбата году в 88-м, причем в видимой зоне сидело несколько человек, и потирая кулачки вся эта толпа начала перелезать ограду бульвара. А ей на встречу из темноты начала вываливаться толпа не меньшая, конца и края которой в темноте было не видеть. И заводились мотоциклы... «казань» тут же ретировалась, изменила вектор шествия в сторону Пушкинской, оправдываясь, что мол, первый раз приехали в Москву и вот гуляют, смотрят город. Было забавно.

М.Б. Тогда уже всю гремели рок-лабораторские концерты, стали появляться кооперативы, а вслед за ней и криминал. А у

вас как складывалось с концертами?

В.Л. В рок-лаборатории нам делать было нечего, хотя мы участвовали в «курчатниках», там тогда был активен Саша Скляр. Но это нам было не нужно, поэтому просто ушли в Росконцерт и потом началась история с Ованесом Мелик-Пашаевым. В марте нас пригласили в северо-осетинскую филармонию и мы согласились. Во время одной из съемок мы познакомились со Львом Лещенко, и тот пообещал с нами поработать. И вот тогда же в Лужниках стали делать огромные концерты, Ованес нас прямо из Осетии забрал и «Мистер Твистер» перешел на базу «Росконцерта». Ездили в рамках больших сборных программ, с той же Долиной, оркестром Анатолия Кролла. Но это были не просто сборники, вся программа была пронизана какой-то идеей и драматургией, как это называлось театрализованное представление. Упор строился на сквозном каком-то действии, эстрада так уже не работает. Выстраивались маршруты, ехала программа... гостиницы, суточные – и все это начало рушиться после выхода закона о кооперативах. В году 88-м, наверно. Потом открылись «досуги», это было типа музыкальных кооперативов, и все побежали туда зарабатывать деньги. И вся система филармонии и Росконцерта обрушилась.

Тогда на нас опять вышел Мелик-Пашаев, который собирал новую программу «Замыкая круг» с «Черным кофе», «Галактикой»,

«Красной Пантерой», еще Крис Кельми подключался – такая вот рок-программа. И она колесила со своим аппаратом: так же серьезно, на проф уровне. Деньги были приличные. Государственные структуры всегда старались контролировать эту поляну, из-за чего постоянно организовывались «левые» концерты. Причем директора сажались в тюрьму чуть ли не каждые три года.

Деньги вертелись в филармониях немалые, и все сидели на каком-то пакете из артистов. И когда пошла перестройка, всем деятелям в этой области стало выгодно, чтоб государство оттуда ушло; стало можно напрямую договариваться о концертах, как ранее это делали с Высоцким. Андеграунд

▲ Афиша группы «Мистер Твистер». Из архива автора.

▲▲ Маврикий в оцеплении во время путча, 1991 г. Фото Петры Галл.

▲ В оцеплении 1991 года. Фото Петры Галл.

▲▲ Музыканты на приеме в Кремле, 1993 г. Из архива автора.

и лондонскими деятелями, и все, что было востребовано на момент выстрела брэнда Перестройки, было востребовано, но это быстро прошло. А вот «Кино» – другое дело. Музыка абсолютно коммерческая, чувак с героическим лицом играет доходчивые ритмы и поет доходчивые песни. Ты привези куда-нибудь в Саранск на стадион Петю Мамонова, его ж там не поймут и побьют. За ужимки. Это слишком сложно, и я рад что Петр Алексеевич нашел себя в театральном среде. К тому же на рубеж девяностых стало очень много доморощенного металла, и тут все – бах! и сдулось. Перекормили – и пришел рейв, к тому же появились дискотеки нового типа, к которым больше подходил Кармен и Мираж. Или кабаки, где был нужен шансон. И если ты в определенный момент попадаешь на эстраду, то задержаться на ней не так-то уж просто. Для меня этот осязаемый перелом, когда все перестроечное пошло вниз, он больше связан с концертом в Тушино сразу после путча. Это был пик и обрыв. У нас тогда случилось несчастье, из жизни ушел Вадик Дорохов.

М.Б. Вы же, вроде, участвовали в концерте на баррикадах?

В.Л. Волею судеб мы оказались на баррикадах во время путча. Получилось так, что, не будучи политизированным человеком, когда по телевизору стали показывать танец маленьких лебедей, многие поняли, что советская сказка кончилась или

начинается по новой. Я пошел не за Ельцина, я там оказался потому, что был против коммунистов. То, что сама идея живоглотская, было понятно изначально, и горя она в период своего становления принесла немало. И то, что коммунизм не построим, стало многим очевидно. И получилось так, что на вторую ночь там очутился Руслан Мирошник, который организовал аппарат, и так состоялся концерт. Там тусовался и Тимур Муртазаев, и Серега Лапин, басист из «Браво». Мы были в самом эпицентре событий, и многие понимали, что оттуда уже не уйти. И чтоб разрядить обстановку, в дождь сыграли три вещи. К нам побежали какие-то десантники с благодарностями, сказав, что нам сообщили, что сюда идут какие-то колонны войск путчистов. Ну, выступили и выступили, не придавая особого значения. А в апреле 93-го кому-то позвонили из администрации президента, тогда подходил момент референдума, и Ельцину потребовался очередной пиар-ход. Это потом стало понятно, а так – позвонил его пресс-секретарь Филинов и сказал, что нам положены медали. Нас вызвали, вручили и поздравили. Костя Кинчев был тогда в сильном расстройстве, после девяти дней со смерти Чумичкина, заставил Ельцина сделать «козу». Был с похмелья сильного, и прямо так и сказал: Борис Николаич, пока вот так не сделаете, медаль не возьму. Тот сделал, и церемония состоялась. Там был и Зосимов, и Макаревич. Но после этого я стал врубаться в эти все фишки и стал осторожно относиться к политикам.

Горбачеву, в отличие от Ельцина, просто некогда было заниматься братаниями с рок-музыкантами, и мне кажется, что он с 1987 года стал понимать, что не справляется с ситуацией, и стал удерживать исключительно собственное положение. А это были уже девяностые, и территория рока уже сокращалась. Появлялись клубы, но не везде можно было играть. Пара именно рок-клубов, ну и клуб «Пилот», например. А мы попадали под разные форматы, и особых проблем не испытывали, в том числе и с гастрольями. Во время которых происходило много смешного и интересного, но это очень длинная история.

М.Б. Но без криминала? Ведь вы и москвичи, и новорусская эстрада – все это притягивало всевозможный криминал.

В.Л. В целом, да – без криминала. Скорее, с веселым околориминалом. Как в конце девяностых, когда проводился фестиваль в Казани. То ли они понтанулись, то ли еще, но приставили к заезжим звездам охрану, смешных пареньков, которые вели себя, как секьюрити из зарубежных фильмов. Секьюрити на самом деле были не нужны в конце девяностых, но раньше возможны были всякие инциденты. Например, во времена люберецко-казанского нашествия на Москву и подъема криминала. Мы ездили в Набережные Челны и встретили постановочную группу, которая приехала не адолго до нас. Они были уже с фингалами только потому, что были из Москвы.

▲ «Мистер Твистер». Новгород, 1987 г. Фото из архива автора.

▲▲ Фотография на память от охраны мероприятия. Казань, 1995. Из архива автора

▲ ??? 1986 г. Из архива автора.

А мы работали с Ованесом, он был человеком жестким, и договоренности у него с какими то «крышами» были. И тут же все выяснили, всем все объяснили; мы оттуда поехали уже в Казань, где такая история почти повторилась, но была мгновенно подавлена «крышей». Не помню, кто из артистов был с женой, к которой какие-то отморозки пытались докопаться. Но это все гасилось быстро и жестко. Чаще все это до артистов не доходило, достаточно было сказать, кто с кем работает. Мы слышали про завязки с ворами и наезды, но в

девяностых мы криминал не интересовали в плане бизнеса.

Играли и играем. объездили от края до края всю страну. Остальным рок-группам и нью-вейв группам было тяжелее, они были узко форматными. На западе рок-музыка превратилась в индустрию, со своим мерчендайзом, фестивалями. А здесь каждая группа выстраивала какие-то свои личные схемы и индустрии таковой не возникло. Одних фестивалей с форматом «русского рока» недостаточно. Мы вот как раз туда и не попадали, зато в джазовые, со своим свингом, всегда. А к нулевым вся эта рок-движуха поуасла вовсе.

М.Б. Ну, и привозы иностранного сыграли свою роль.

В.Л. Не без этого... еще и то, что все-таки рок-музыка не так близка нашему народу, если разобраться. Не будем брать фолк-рок, типа Инны Желанной, но все же группа «Кино» с упором на сильную долю, такой простой подъездный рок, он же «русский» и группы «Чайф» и «ДТТ», по большому счету, то же самое.

То, что делает упор на слабую долю, вообще не прокатывает, а сложные рок-эксперименты рано или поздно свой путь на эстраде заканчивают. Живее живых только шансон и все, что унца-унца – это просто заложено на этой части планеты Земля. Круг любителей джаза и рока, конечно, будет всегда, но всеобщей народной любви вряд ли стоит ожидать. Если мы берем рок, как социальное явление, то можно отметить, что пять лет оно побывало и сошло на нет. По форме «Мистер Твистер» играл и играет американскую музыку для какого-то сегмента, взлет «Браво» произошел из-за того, что Пугачева благоволила волшебной Жанне Агузаровой, но где она сейчас? На Марсе. Мне-то никогда и не надо было звездных олимпов эстрады. Поэтому и разочарований не наступило. Для меня это то, что обозначено в слогане группы: «Рокабилли – норма жизни».

В начале нулевых вернулась тема с мотоциклами, когда на «Урале» мы с новой женой доехали до Парижа, вместе с ребятами, которые организовывали в девяностые туры для иностранцев на мотоциклах «Урал», 750-кубовый от Гибралтара до Средней Азии. Меня тема эта всегда интересовала, но не настолько, чтобы я даже сдал на права. И вела все время жена, а я – где присяду покурить, где еще чего. Умел, но не стремился. И на обратном пути встретились с Петрой Галл, которая была причастна и к этим турам, и к самому началу этого мото движения в СССР.

М.Б. Ну, а про возможности ривайвелов в нулевые? Ведь по всему миру пошла, так

называемая хипстерская волна.

В.Л. В это я не верю, и сам нынешний термин хипстер меня немного раздражает. Ведь в нем заключен совсем иной смысл: это хипстеры и хип-кеты 30-50-х, настоящие знатоки свинга и джаза, в нынешнем исполнении оно мне не нравится. Ощущение такое, что возвращение тех времен не будет. Это во всем мире отходит на второй план. Но тусовки несомненно останутся – там, где сформировались культы и вокруг этого какой-то бизнес. А вот ривайвел на ВИА вполне возможен из-за того, что это ближе народным массам и уникально как советское. А такой рок-волны, как была в восьмидесятых, уже не будет. То, что я вижу, – хиленько, нет энергетика. То время дало среду и энергию, местная рок-музыка стала главным языком молодежи. Сейчас это не так, есть интернет, а музыка занимает какое-то место, но не главное. Время выдвинет что-то новое, и как обычно, в нашей стране это приобретет какие-то непредсказуемые формы. Хотя мало что меняется, я так же на сцене, хотя уже за пятьдесят и житейского опыта и знаний, конечно, больше.

М.Б. А как рокерство совмещается с твоей достаточно почвеннической позицией? Я имею в виду участие в нынешних казачьих делах, ношение формы.

В.Л. Да так же, как норму жизни. Я этнический казак, донской. Для меня эта история родная, семейная, и по материнской линии я знаю своих предков с 1619 года, по отцовской – с 1811-го. Был советский период, который очень враждебно относился к этому, как я считаю, народу. Его и в царской России пытались администрировать и превратить народ на Дону в сословие, народ-войско хуторской, а при советах – первым номером на расформирование и уничтожение были именно казаки. Из полутора миллиона осталось меньше трети. Но об этом мало говорят, хотя раньше в переписях казаки существовали как народ. У любого народа должна быть своя земля, а она и была всегда. Это самодостаточная общность, великороссом я себя не ощущаю. Поэтому и сейчас идут такие заигрывания, типа создания Центрального войска казачьего, в которое принимают всех, кто хочет туда вступить, и казаком можно быть с восемнадцати до пятидесяти лет, а не по крови. Этнического казака это не может не возмущать, как и реплики «форму одел, пошел казаком поработать». Такая вот политика, и сами казаки называют представителей этого образования «ряженными», их часто можно видеть на каких-то общественно-политических

мероприятиях, в охранных структурах восемнадцати центральных российских областей.

Настоящим не до этого совсем, и не так давно начались такие прямо проверки, чтоб дискредитацию прекратить. И дистанцироваться, ведь есть свои одиннадцать войск плюс – общественные организации и взаимопомощь. Немного похоже на взаимовыручку в субкультурах восьмидесятых. Так что Казачество, как и рокабилли, для меня – это все та же норма жизни.

▲
Виниловый альбом «Мистер Твистер», 1989 г.

▲▲
«Мистер Твистер», 1994 г. Из архива автора.

▲
Еж, 1992 г. Из архива автора.